

ДЕСКРИПТОРНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ И ТИПОЛОГИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

А.Н. Баранов

1. Постановка задачи

Попытки словарного описания не словарных по своей сути феноменов естественного языка вызывает естественное сопротивление языкового материала. Метафора несомненно принадлежит к числу таких феноменов. Словарная инвентаризация контекстов использования метафор в реальном речевом употреблении необходима как для чисто лингвистических задач (например, исследование плана содержания лексем, анализ тенденций развития значений слов, изучение продуктивных типов метафор), так и для приложений языкознания (от лингвистического анализа литературного текста до мониторинга общественного сознания по данным политического дискурса). Между тем имеющийся категориальный аппарат теории метафоры не пригоден для кодирования и последующей автоматической обработки значительных объемов языковых данных, включающих тысячи употреблений метафор.

В [Баранов 1991; Баранов, Караулов 1991] для словарного описания политической метафоры и ее исследования с помощью компьютерных инструментов обработки данных было де-факто введено понятие «метафорической модели», которое, однако, не обсуждалось там с необходимой степенью подробности. В данной работе это понятие будет подробно рассмотрено в рамках дескрипторной теории метафоры.

Понятие метафорической модели и другие категории дескрипторной теории метафоры непосредственно опираются на когнитивную теорию метафоры, разрабатывавшуюся в 80-90 гг. XX в. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Рассмотрим метаязык этой теории в сопоставлении с категориальным аппаратом дескрипторной теории метафоры.

2. Когнитивная и дескрипторная теории метафоры в сопоставлении

Основной тезис когнитивной теории метафоры можно свести к следующей идее: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «**метафорическая проекция**» (metaphorical mapping). Предположение о повторении структуры источника в структуре цели получило название «**гипотезы инвариантности**» (Invariance Hypothesis) (см., например, [Lakoff 1990]). Высвечивание отдельных свойств источника в области цели, возникающее в процессе метафорической проекции и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, часто называют «**профилированием**».

Области источника и области цели неэквивалентны не только в смысле направления метафоризации. Область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Это «знание по знакомству», если пользоваться терминологией Б. Рассела. Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению». Как пишет Дж. Лакофф, «Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 1993: 245]. Эта идея была отражена в «**тезисе об однонаправленности метафорической проекции**». В дальнейшем тезис об «однонаправленности», выдвинутый в когнитивной теории метафоры, вызвал множество критических откликов. И действительно, противоречащие примеры очевидны. Например, в русском политическом дискурсе концептуализация политика как члена семьи в метафоре РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ вряд ли отвечает тезису об «однонаправленности».

Ср. примеры типа *у нас был дедушка Ленин, мы его любили, обожествили, в мавзолее похоронили; крестный отец перестройки* (о М. Горбачеве); *"неявка" Ельцина на сессию ВС РСФСР до сих пор делает предположения россиян, что "nana" не хочет их видеть, просто "навязчивой идеей"*.

Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде **«схем образов»** (image schemas) – относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью [Lakoff 1987]. К схемам образов относятся, например, такие категории, как «вместилище», «путь», «баланс», «верх-низ», «перед-зад», «часть-целое».

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название **«концептуальных метафор»**. К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ, СПОР – ЭТО ВОЙНА, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и др. Концептуальные метафоры могут образовывать когерентные концептуальные структуры более глобального содержания – **«КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ»**, которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии.

В дескрипторной теории метафоры метафорическая проекция представляет собой **функцию отображения** элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается **«областью отправления»** функции отображения, а цель – **«областью прибытия»**. В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует – от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества. Когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области назначения метафорической функции отображения может быть взаимно-однозначным. Например, для метафорической проекции ЛЕНИН – ЭТО ДЕДУШКА функция отображения устанавливает соответствие между элементом области отправления «дедушка» и элементом области назначения «Ленин».

Отметим, что элементы областей отправления и назначения не ограничены по степени сложности. Если элементы сами по себе сложны, то однозначности в метафорической проекции не получается. Например, метафорическое выражение *война законов* предполагает проекцию элемента области отправления ВОЙНА на элемент области назначения «законодательская деятельность». И война и законодательская деятельность – это две концептуальные области довольно сложной структуры. Для такого метафорического выражения в довольно общем контексте как *Правовое общество как раз и отличается тем, что в нем нет и быть не может ни власти одной идеи, ни господства одной структуры, ни войны законов*. [«Известия», 29.11.90] трудно определить, между какими элементами внутри этих областей устанавливает соответствие метафорическая проекция: ЗАКОНОДАТЕЛИ – ЭТО СОЛДАТЫ, ЗАКОНЫ – ЭТО ВЫСТРЕЛЫ, УТВЕРЖДЕНИЕ ЗАКОНА – ЭТО АТАКА, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ЗАКОНАМИ РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ – ЭТО ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ? Часто такие соответствия даже противоречат друг другу. Например, солдаты – это законы, законодатели или судьи?

Эта неопределенность метафоры, ее когнитивное «мерцание» [Баранов 1991] приводит к тому, что функция отображения для метафор со сложными элементами области отправления и/или области прибытия не дает однозначного набора значений. В основе когнитивного «мерцания» метафоры лежит фундаментальное свойство метафорических проекций: способность порождать недискретное дискретными языковыми знаками – номинациями сферы источника и сферы цели. Именно недискретность метафор

порождает множественные и в принципе неисчислимы следствия. Д. Дэвидсон в связи с этим замечает: «... то, что представляет нашему взору метафора, не ограничено и не пропозиционально. Когда мы задаемся целью сказать, что «означает» метафора, то вскоре понимаем, что перечислению не может быть конца». И далее у него же находим: «Между картиной и словом невозможен эквивалентный обмен» [Дэвидсон 1990, с. 191].

В компьютерной реализации случаев обсуждаемого типа – рефлексов недискретности метафоры – модель функции отображения должна практически одновременно устанавливать множество различных связей. Конечно, метафорические следствия в контексте часто позволяют прояснить, что имеет в виду говорящий, и тогда появляется возможность установления взаимно-однозначного соответствия. В рамках настоящего исследования можно упростить ситуацию и считать, что функция отображения в метафорах обсуждаемого типа устанавливает соответствие между именами соответствующих когнитивных областей (дескрипторами – см. ниже).

Возможен, однако, и другой тип случаев, когда взаимно-однозначного соответствия между элементами функции отображения нет в принципе. Если в метафорическом выражении реализуется несколько разных по тематике областей источника, то функция отображения, имея в качестве аргументов элементы двух различных областей отправления, соединяет их с одним элементом области назначения. Например, когда политик метафорически уподобляется Лисе Алисе (1), функция отображения устанавливает связь, во-первых, между элементом ЛИСА области отправления ЖИВОТНЫЕ (ФАУНА) и элементом области назначения «политик» и, во-вторых, между элементом ЛИСА АЛИСА области отправления ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ (шире – ЛИТЕРАТУРА) и тем же элементом области назначения «политик».

(1) <...> десяток лет назад *лиса Алиса* обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать. «Огонек», № 44, 29.10.90¹

Описание функции отображения требует определения ее аргументов – элементов области отправления. В [Баранов 1991; Баранов, Караулов 1991; 1994] в качестве аргументов этой функции был использован язык семантических дескрипторов. Область отправления функции (или область источника метафорической проекции) описывается совокупностью «сигнификативных» дескрипторов. Сигнификативные дескрипторы представляют собой нормированное подмножество лексем русского языка, для которых запрещена полисемия и омонимия, отсутствуют формы словоизменения. В структуре записи Базы данных сигнификативным дескрипторам соответствует специальное «поле» (field). Каждой метафоре приписывается, как правило, несколько сигнификативных дескрипторов, упорядоченных по степени абстрактности – от более конкретного к более абстрактному. Дескрипторы могут отражать также отношение «часть-целое», при этом упорядочивание происходит от части к целому. Например, метафорическому выражению *машина страха* в Базе данных приписаны следующие сигнификативные дескрипторы – <машина₁², механизм>, а метафорическому выражению *национальная квартира* – кортеж

¹ Примеры типа (1) могут интерпретироваться по-другому: если считать, что в контексте (1) отображение ЛИСА(ЖИВОТНЫЕ) → ПОЛИТИК уже не ощущается как часть сложной метафоры (то есть метафора ЖИВОТНОГО воспринимается лишь как диахронический феномен, на который накладывается метафора ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА), то взаимно-однозначное соответствие сохраняется. Для описания таких случаев применима "**ретроспективная модель метафоризации**", в которой диахронический аспект отражается с помощью вложенных картежей. Для рассматриваемого случая это может выглядеть так: <литературный персонаж "Лиса<лиса, человек> Алиса", ученый-экономист>.

² В противоположность дескриптору «машина₂» в значении 'автомобиль'.

дескрипторов <квартира, части жилища, строение, строительство>. Тем самым, каждой метафоре в Базе данных сопоставлен кортеж сигнификативных дескрипторов.

В области прибытия функция отображения действует на «денотативных дескрипторах», описывающих (применительно к материалу политического дискурса) сферу политических, экономических и социальных (в том числе и социально-психологических) реалий эпохи перестройки. Метафорическое выражение *машина страха* описывается в Базе данных кортежем денотативных дескрипторов <страх, чувство>, а метафора *национальная квартира* – кортежем дескрипторов <союзная республика, СССР>. Денотативные дескрипторы в базе данных по перестроечной метафорике также упорядочены по степени абстрактности, ср. кортеж денотативных дескрипторов для метафорического выражения *попытки догнать ушедший поезд*: <решение проблем, политическая ситуация, политика>.

Упорядоченность сигнификативных и денотативных дескрипторов в кортежах отражают парадигматический аспект метафоризации, что естественно для словарной инвентаризации данных. Иными словами, рассмотренные двухэлементные множества кортежей³ вместе с функцией отображения представляют собой формализованную **«парадигматическую модель метафорической проекции»**. В обобщенном виде множества кортежей дескрипторов могут быть переоформлены в такой формальной объект, как таблица – что и сделано в [Баранов, Караулов 1991; 1994].

Синтагматически каждый акт отображения – цикл работы функции отображения – может описываться как одна пара, состоящая из сигнификативного и денотативного дескриптора: <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y>. «Парадигматическая история» каждого из дескрипторов в этом случае скрыта, но может быть восстановлена при обращении к соответствующей структуре знаний. Для метафорического выражения *машина страха* цикл работы функции отображения описывается парой <машина₁, страх>, а для метафорического выражения *национальная квартира* – кортежем дескрипторов <квартира, союзная республика>. Описанные пары <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y> вместе с функцией отображения представляют собой формализованную **«синтагматическую модель метафоризации»**, а множество таких пар относительно данной М-модели образует то, что можно назвать **«реализациями метафорической модели в дискурсе»**.

Синтагматическая и парадигматическая модели метафоризации образуют **«дескрипторную модель метафоры»**. Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов являются **«метафорическими моделями» (М-моделями)**. Например, сигнификативные дескрипторы, описывающие проблемную сферу военных действий, армии, образуют М-модель ВОЙНЫ; дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. По таким же основаниям выделяются М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, МЕХАНИЗМА, ОРГАНИЗМА, ПУТИ-ДОРОГИ (как части М-модели ПРОСТРАНСТВА), ПРОСТРАНСТВА (и ДВИЖЕНИЯ как части М-модели ПРОСТРАНСТВА), ПОГОДЫ, ФАУНЫ, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, МЕДИЦИНЫ, РЕЛИГИИ-МИФОЛОГИИ, ТЕАТРА, ИГРЫ и др. Каждая М-модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов (такое представление М-моделей принято и в [Баранов, Караулов 1991; 1994]). В описании метафор русского политического дискурса эпохи перестройки используется порядка пятидесяти наиболее частотных М-моделей.

Категория метафорической модели, преобразованная в табличный формат, в котором между сигнификативными и денотативными дескрипторами установлены соответствия (определяемые, разумеется, на основе реальных употреблений), позволяет делать

---

³ Для комбинаций М-моделей множество может быть более, чем двухэлементным.

количественные оценки устойчивости (повторяемости) метафорических проекций в рамках данного дискурса.

3. Типы метафорических моделей и их сочетаний

По семантическим особенностям, роли в дискурсе, парадигматическим характеристикам различаются два важнейших типа метафорических моделей – фоновые и фигурные. Вводимое противопоставление прямо связано с оппозицией «фона» и «фигуры», широко используемого в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике. К **«Фоновым метафорическим моделям»** относятся такие М-модели, которые связаны с другими М-моделями прагматическими имплицативными отношениями. Под прагматическими имплицативными отношениями понимаются такие связи между М-моделями, когда использование метафор одной М-модели в прагматическом смысле часто влечет и использование метафор другой М-модели. Так, деятельность по строительству предполагает наличие пространства, в котором это строительство происходит. В этом смысле М-модель СТРОИТЕЛЬСТВА имплицитно подразумевает наличие и М-модели ПРОСТРАНСТВА. Наличие пространства подразумевается и при ведении военных действий, при занятиях спортом, выступлении в театре и т.п. Иными словами, М-модели ВОЙНЫ, СПОРТА, ТЕАТРА и многие другие также связаны прагматическими имплицативными отношениями с М-моделью ПРОСТРАНСТВА. Наибольшим количеством прагматических имплицативных отношений характеризуются М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ и ПРОСТРАНСТВА. Они являются типичными фоновыми М-моделями.

«Фигурные М-модели», в противоположность фоновым, уникальны в том смысле, что их выбор для описания фрагмента целевой области почти всегда результат выбора говорящего, а не давление системы языка. К фигурным относятся, например, М-модели ТЕАТРА, ИГРЫ, ПОГОДЫ. Следует подчеркнуть, что наличие-отсутствие прагматических имплицативных отношений следует рассматривать не как сущностную характеристику М-моделей, а как формальное проявление некоторого фундаментального различия в коммуникативном и системном статусе между фоновыми и фигурными М-моделями. Фоновые М-модели весьма часто используются говорящим просто потому, что нет другой возможности выразить соответствующую мысль, метафорически проинтерпретировать какую-то реалию. Так, говоря о СССР как о космическом корабле, попавшем в аварию на Луне, то есть вполне сознательно выбирая метафору ТРАНСПОРТА, мы одновременно используем и метафору ПРОСТРАНСТВА, которая в этом случае оказывается вне коммуникативного фокуса. Наличие широких прагматических имплицативных отношений в этом случае оказывается лишь потенциальной возможностью для М-модели оказаться фоновой в дискурсе. Именно поэтому совмещение фоновых и фигурных свойств в М-модели вполне допустимо, поскольку М-модель в конкретных употреблениях может быть то фоновой, то фигурной – в зависимости от коммуникативной интенции говорящего и, разумеется, контекста. Так в [Baranov 2003] показывается, что М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ в русском политическом дискурсе эпохи перестройки оказывается одновременно и фоновой, поскольку связана множественными парадигматическими отношениями с другими М-моделями, и фигурной, поскольку играет существенную роль в разрушении ритуального политического дискурса советской эпохи, предполагавшего наличие лишь одного политического субъекта. Отметим, что характеристика «фигурности» М-модели является не чисто лингвистическим свойством. «Фигурность» связана, в частности, со структурой глобальных целей политического дискурса. Отсюда и не вполне лингвистическая аргументация в [Baranov 2003] в пользу признания М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ в русском политическом языке эпохи перестройки и фоновой и фигурной.

Многие М-модели связаны между собой не парадигматическими отношениями, а отношениями сходства в метафорических следствиях, точнее, сходством в профилировании определенных свойств области источника и области цели. Так, М-

модели РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, ОРГАНИЗМ и МЕДИЦИНА в политическом дискурсе часто профилируют такую совокупность характеристик источников области, как болезнь, лечение болезни, а также боль, причиняемая организму (в частности, болезненность оперативного вмешательства). Например, *чума роста цен, политическое слабоумие, метастазы большевизма, эпидемия суверенизации, шоковая терапия*. С другой стороны, М-модели ВОЙНА, ИГРА, СПОРТ профилируют идеи конфликта, победы vs. поражения, ср. идущая сейчас *атака на новые власти, попривержать рвущихся из окопов коммунистических консерваторов, не садиться за стол переговоров по причине вероятного "проигрыша", запрещение митингов - это капитальный проигрыш Горбачева; играть в международных делах в поддавки*. Существенно, что при этом М-модели, связанные сходством в метафорических следствиях не обязательно связаны парадигматически. Так, М-модели ВОЙНЫ и СПОРТА, не имеют общих сигнификативных дескрипторов.

Совокупность М-моделей, сходных по метафорическим следствиям называется **«конstellляцией метафор»**. **«Конstellляцией метафор в сильном смысле»** называется множество М-моделей, которые не только имеют очевидное сходство в следствиях, но и которые имеют дополнительно довольно тесные парадигматические связи (общие сигнификативные дескрипторы). Если М-модели, имеющие сходство в следствиях, парадигматических связей не имеют, они образуют **«конstellляцию в слабом смысле»**. Так, множество М-моделей ВОЙНА, СПОРТ образует конstellляцию в слабом смысле, поскольку парадигматические связи между ними отсутствуют, а совокупность М-моделей ИГРА и СПОРТ формируют конstellляцию в сильном смысле, поскольку связаны тесными парадигматическими отношениями. Они, например, парадигматически связаны через таксон «спортивные игры»: «футбол», «хоккей», «шахматы», «гонки» и пр. Наконец, если во множестве метафорических моделей представлены подмножества, которые образуют конstellляции и в слабом и в сильном смыслах, то следует говорить о **«смешанной конstellляции»**. Так, множество М-моделей ВОЙНА, ИГРА, СПОРТ образует смешанную конstellляцию.

По чисто эмпирическим основаниям для русского политического дискурса эпохи перестройки выделяются следующие конstellляции: конstellляция метафор РАЦИОНАЛЬНОГО (СТРОИТЕЛЬСТВО, МЕХАНИЗМ, ТРАНСПОРТ, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ); конstellляция метафор КОНФЛИКТА (ВОЙНА, ИГРА, СПОРТ); конstellляция ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор (ОРГАНИЗМ, РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, МЕДИЦИНА); конstellляция метафор НЕРЕАЛЬНОГО (РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ, ТЕАТР₁, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО) и конstellляция метафор НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ (ПОГОДА, РЕКА, ЖИДКОСТЬ).

Некоторые свойства, которые профилируют М-модели, оказываются настолько важными для политического дискурса, что при анализе метафорики их естественно рассматривать вместе как особую метафорическую модель. Особенность М-моделей, выделяемых на основании сходства метафорических следствий, заключается в том, что они не имеют или почти не имеют своих собственных дескрипторов. Такие М-модели называются **«моделями-конstellляциями»**. В перестроечном дискурсе такой М-моделью оказалась метафора ОГРАНИЧИТЕЛЯ. Она сформирована из дескрипторов М-модели БОЛЕЗНИ («бельмо», «катаракта», «тромб»), ВОДОЕМА («болото»), ВОЙНЫ («дымовая завеса», «колючие заграждения»), ВЕЩЕСТВА («вязкое вещество», «наркотик»), ГЕОМЕТРИИ и ПРОСТРАНСТВА («грань», «зона», «черта», «рамка»), МЕХАНИЗМА («тормоз», «фильтр»), СТРОЕНИЯ («стена», «дверь», «завалы», «забор»). Однако наибольшее количество дескрипторов М-модели ОГРАНИЧИТЕЛЯ приходится на М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ («барьер», «бремя», «груз», «капкан», «кляп», «петля», «удавка», «хомут», «ширма» и др.). Дескрипторы данной модели высвечивают идею ограничения действий или ментальных состояний субъекта. Ср. характерные примеры: *использовать концепцию регионального расчета как ширму, прикрывающую автаркические тенденции; подгонять*

*под догматические **рамки** законов; Вопрос единства нации, не желающей быть разделенной **стенами** идеологии, оружия и железобетона; Советские люди не должны позволить одурманить себя **опиумом** "демократии".*

***

Введенный категориальный аппарат в рамках дескрипторной теории метафоры позволяет проводить описание дискурса с точки зрения использованных в нем продуктивных и непродуктивных метафорических моделей, устанавливать связи между метафорическими моделями, выявлять их группировки – конstellляции. При этом с технологической точки зрения дескрипторная теория метафоры дает возможность использовать стандартные средства компьютерной обработки данных и привлекать для анализа значительные объемы лингвистической информации, что существенно повышает достоверность получаемых результатов.

Литература

- Баранов А.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* 1991 – Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* 1994 – Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Дэвидсон Д.* Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990, с. 173-194.
- Baranov A.N.* Metasprache der Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs // Kulturelle Vorstellungswelten. Eine kontrastive Untersuchung metaphorischer Modelle im russischen und deutschen öffentlichen Diskurs. 2003 (в подготовке)
- Lakoff G.* 1987 – Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- Lakoff G.* 1990 – The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? // Cognitive Linguistics, 1990, № 1.
- Lakoff G.* 1993 – The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought, ed. by Ortony A., Cambridge, 1993.